

кацией, модуляцией, компенсацией, синтаксическими трансформациями, соответствующими строю родного языка. В идиостиле, установках и мотивах ипсоэтноцентричного переводчика косвенно проявляется более «чуткий» аттитюд к родному языку, речи и текстам на нем, чем к иностранному языку, речи и текстам на нем, а также более «чуткий» аттитюд к родному адресату по сравнению с иностранным.

Аллоэтноцентричный переводчик действует противоположным образом. При переводе с родного языка на иностранный он стремится приспособить оригинальный текст к лингвистическим и лингвокультурным особенностям принимающей чужой культуры, его мотивацией является понятно и доходчиво донести содержание оригинала до иностранных адресатов с учетом особенностей их восприятия. Он в максимальной степени пользуется стратегиями «сглаживания», адаптивного транскодирования – лексико-семантическими заменами, функциональными аналогами, экспликацией, модуляцией, компенсацией, синтаксическими трансформациями, соответствующими строю иностранного языка. При переводе с иностранного языка на родной аллоэтноцентричный переводчик, напротив, стремится дословно и точно передать содержание оригинала без особого учета восприятия текста «на выходе» родным адресатом. Он пользуется буквалистскими приемами передачи исходного текста – транскрипцией, транслитерацией, калькированием, первичными словарными эквивалентами слов, синтаксическим уподоблением. В идиостиле, установках и мотивах аллоэтноцентричного переводчика косвенно проявляется более «чуткий» аттитюд к иностранному языку, речи и текстам на нем, чем к родному языку, речи и текстам на нем, а также более «чуткий» аттитюд к иностранному адресату по сравнению с родным.

Эртнер Д. Е.
Тюмень, Россия

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Изучение метафоры позволяет составить представление об аксиологических доминантах языковой картины мира, открывает новые

возможности интерпретации национально-культурного мировосприятия. Это суждение справедливо как для оригинального художественного текста, так и для его переводов. В этом случае метафоризация может рассматриваться как своеобразный межъязыковой и межкультурный инструмент для адаптации просторечных форм, ценностных установок. Именно просторечие, являясь частью повседневного языкового бытия, формирует специфические механизмы, структурирующие языковое мышление и характер речи. Данные языковые единицы кодируют наше восприятие окружающего мира, так что лексика сниженного регистра характеризует уже не социальную группу, но коммуникативную ситуацию, выполняя функцию стилистической окрашенности коммуникативной деятельности [Лотман 2000: 620].

В этой связи особый интерес представляют русские переводы поэзии известного шотландского поэта Роберта Фергюссона, чьи произведения изобилуют метафоризированными просторечными единицами: «Эдибуржанки косили под француженок...» [Фергюссон 1999: 644] Выражение «косить под кого-то» (подражать) обладает в русском языковом контексте особой коннотативной спецификой, которая одновременно включает в себя экспрессивную оценочность, усиливающуюся сопряжением с другими просторечными формами, пронизывает весь текст, моделируя усовершенствованный словесный каркас. При этом объем значения расширяется не только на семантическом уровне: происходит своего рода «перекодировка» эстетических ценностей. Данный процесс В. А. Мельничук называет «аксиологической динамикой» [Мельничук 2017: 5]. В поэтическом тексте сниженная лексика становится особым метафорическим механизмом, сменяющим код языковой единицы и трансформирующим сугубо русскую просторечную словоформу в специфическую реалию, передающую ценностные ориентиры другой культуры. Обладая повышенной экспрессивностью, просторечные формы легко встраиваются в новую коммуникативную модель, взаимодействуют с общелитературной лексикой и провоцируют множественность интерпретаций. Таким образом, метафоризация просторечных форм в художественном тексте активизирует механизмы концептуализации окружающей человека действительности, транслируя единый аксиологический код, предполагающий синтез подходов.

Литература

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

Мельничук В. А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.

Фергюссон Р. Стихотворения // Роберт Бернс. Собрание поэтических произведений. М., 1999. С. 627–658.

Яхьяпур Марзие, Карими-Мотаххар Джанолах, Мирзае Масуме
Тегеран, Иран

ЦЕННОСТИ В ТЕКСТАХ РУССКИХ И ПЕРСИДСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ МОЛИТВ

Молитва сопровождает большинство классических персидских поэтических текстов. Она является важнейшим элементом этого жанра и понимается как «главное духовное делание», внутренняя беседа с Богом, «путь к Богу», «плач сердца», «мать всех добродетелей», «оплот духовный», «путь к возрождению души». Например, в произведениях Фирдоуси, Молави, Саади, Хафиза, Атгара и др. встречается молитвенное обращение к Богу. Поэма «Шахнаме» А. Фирдоуси – шедевр персидской поэзии, героическая эпопея и национальная гордость народа Ирана – начинается с обращения к Всевечному Богу: «Во имя создавшего душу и ум, / Над кем не подняться парению дум. / Кто место всему и название дает, / Дарует нам блага, ведет нас вперед» [Фирдоуси 1993: 7]. Другой персидский шедевр, «Гулистан» Саади, также начинается с хвалы и благодарности Всемогущему Богу: «Хвала Богу Всеславному и Всемогущему, покорность ему приближает нас к нему, в благодарность ему увеличивает его благодать, изливаемую на нас. Когда мы дышим, воздух, входя внутрь, продлевает жизнь, а выходя, обновляет наше естество...» [Саади 2011: 38].

Включение молитвы в ткань художественного текста характерно и для русских поэтов. Церковное богослужение, эмоциональная выразительность богослужебных церковных песнопений и молитв вдохновляла многих русских поэтов. Молитва для персидских и русских поэтов является «живым общением» с Богом. Как отмечает Т. А. Ко-